

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 801 (091) — 800.86/.87

Л. Я. Костиучук

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ — СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ И О СЛУЖИТЕЛЯХ СЛОВУ (в связи с юбилеями исследователей псковских говоров)

Прогресс науки в разных областях немислим без исследований национального языка, в частности его диалектов (в Псковском вузе — псковских говоров). Продолжающаяся работа над «Псковским областным словарем с историческими данными» — свидетельство этому. В личной и коллективной работе ценна и благодарная память о предшественниках и о бывших соратниках. Статья напоминает о тех, кому в этом году (2013 г.) исполнилось бы 120 и 100 лет.

Ключевые слова: лексикографическая работа, словарная статья, древний корень, однокоренное гнездо, древние языковые процессы.

Larisa Kostiuchuk

LINGUISTIC RESEARCH — PRESERVING MEMORY OF FOLK ART AND WARDENS OF THE WORD (on account of the Pskov dialect researchers' jubilees)

The scientific progress in various fields is impossible without research of the national language including its dialects (the Pskov dialect in the Pskov higher educational institution). The continuous work at the Pskov Regional Dictionary with Historical Data testifies to this fact. Grateful memory of the predecessors and former colleagues is of great value in both personal and collective work. The article reminds of those specialists who would have been 120 and 100 years old this year (2013).

Key words: lexicographic work, dictionary entry, ancient root, cognate nest, old linguistic processes.

Классическое образование немислимо без гуманитарных наук, в частности в области филологии. Так, и в нашем Псковском вузе не первый год ведется преподавание такой специальной дисциплины, как «Основы филологии». Причем, как предполагает и программа, речь идет о новейшей филологии, по словам С. С. Аверинцева, о «содружестве гуманитарных наук» (прежде всего лингвистических, литературоведческих, и многих других, касающихся истории, человека и пр.) [1, с. 544–545]. Филологическое образование расширяет кругозор человека, создает условия для получения таких знаний, которые позволяют искать и находить пути решения проблем на границе разных направлений, учат работе с книгой, помогают обнаруживать и ответы, подчас оригинальные, на многие вопросы современной жизни. Главными основаниями в филологическом направлении познания мира являются язык, текст и homo loquens («человек говорящий» в широком смысле слова).

В начале XXI века, в частности и в 2013 году, в нашей стране и за рубежом научной общественностью отмечаются юбилеи ученых, в частности и лингвистов, внесших свой вклад в основание, обоснование и развитие многих важных направлений отечественной науки, когда ученики и последователи продолжают самоотверженно работать со Словом, не забывая, кому наука обязана изначальными исследованиями.

Для Псковского вуза в области лингвистики (прежде всего русистики — истории языка, диалектологии — в пределах научной школы «Псковская народная речь в прошлом и насто-

ящем. Ее место в общей системе русского языка» при кафедре русского языка) чрезвычайно дорого имя Бориса Александровича Ларина (1893–1964 гг.). Б. А. Ларин основал уникальный в мировой лексикографической практике и науке вообще «Псковский областной словарь с историческими данными» [6, 1961]: это словарь, во-первых, полного типа по представляемому в современной части и в исторической части материалу, который попадает в поле зрения собирателя, исследователя-лексикографа; во-вторых, исторический региональный словарь, содержащий примеры — слова и иллюстрации из памятников богатой псковской письменности [11, в. 1–23...]. Благодарные ученики и ученики учеников Б. А. Ларина — сотрудники Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б.А. Ларина в январе 2013 года научной конференцией отметили 120-летие замечательного филолога, которого в свое время Д. С. Лихачев назвал «самым образованным филологом XX века».

Выход в свет в конце 2012 года выпуска 23 «Псковского областного словаря» принес радость и большую пользу специалистам — диалектологам, историкам языка, знатокам современного русского языка, поскольку более чем полувековой труд собирателей, хранителей лексикографического представления, исследователей данных псковской народной речи оказывается всегда востребованным специалистами разных гуманитарных наук. Ведь псковские говоры отражают уникальные явления славянской речи, что позволяет ученым делать научные открытия с учетом древних языковых процессов. Вспомним, например, С. М. Глускину с ее открытием и объяснением в 60-е годы XX века отсутствия именно в псковских говорах так называемого второго смягчения заднеязычных согласных звуков [g], [k], [ch] в мягкие шипящие звуки. В результате объективной изоляции какое-то время того племени кривичей от других славян, которое пришло на территорию около псковских озер, в их речи сохранились исходные заднеязычные согласные в древних названиях реалий сельского быта с корнями старого вида: *Кеп* на фоне общерусского *Цеп*; *Кевка* на фоне общерусского *Цевка*; *Кедить* на фоне общерусского *Цедить* [2, с. 20–43]. Как будто частный факт, но внимание ко многим сторонам жизни носителей языка в прошлом позволило С. М. Глускиной, привлекая наблюдения археологов с их вниманием к материальной культуре и выводам о передвижении древних славянских племен в середине первого тысячелетия нашей эры, дать достаточно убедительные объяснения возможности того факта, что только в этой части славянского мира (в районе псковско-чудских озер) не проявился тот закон, который сопровождает все славянские языки. А последующие ученые, используя наблюдения и С. М. Глускиной, смогли пойти далее: А. А. Зализняк сделал вывод о том, что в далеком прошлом был четко выделен древний псковско-новгородский диалект [4].

Поэтому ежегодные летние походы диалектологов вместе со студентами за псковским народным словом по псковским районам так важны и ценны и для «Псковского областного словаря», и для «Лексического атласа русских народных говоров», и для ряда других целей. Об этом свидетельствует справочное издание «Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.)» [10] в качестве приложения к Кадастру всех природных и историко-культурных достопримечательностей Псковской области, в котором З. В. Жуковская, Л. Я. Костючук, Т. А. Пецкая постарались дать обобщающие сведения о псковских говорах по всем семи историко-культурным зонам с учетом каждого района [5].

Не случайно в мае 2013 года в Эстонии, в Тартуском университете, современные ученые провели Международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Татьяны Филаретовны Мурниковой (1913–1989 гг.) — замечательного диалектолога, знатока псковских говоров, исследователя языка носителей этих говоров-староверов Эстонии. Уже издан удивительно интересный и ценный по многим диалектным проблемам сборник, фактически посвященный Т. Ф. Мурниковой [12]. Русские староверы на территории Эстонии столетиями сохраняют особенности псковских говоров в окружении «чужого», эстонского языка, как это обнаруживается, например, и на территории Польши, и в других местах. Справедливы слова О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой, составителей «Словаря говоров староверов Эстонии»: «Говор староверов во многом похож на диалекты центральной части современной Псковской

области России, а это значит, что в прошлом какая-то часть предков современных староверов переселилась в эстонское Причудье из этих псковских земель. Несмотря на то, что в течение трех столетий русский говор староверов существовал в окружении эстонских диалектов, он сохранил свою самобытность и многие древние языковые черты. В этом заключается его большая ценность для культуры и науки» [9, с. 11].

Т. Ф. Мурникова была неизменным участником обсуждений проблем диалектологии на наших псковских конференциях, посвященных псковским говорам, и на диалектологических конференциях, которые проходили в прошлых республиках Прибалтики — в Тарту, Риге, Вильнюсе, куда привозили и мы, псковские диалектологи, свои наблюдения над псковскими говорами, а прибалтийские специалисты сообщали результаты своих изысканий и по старожильческим говорам Прибалтики, по происхождению псковским.

Юбилей Т. Ф. Мурниковой напомнил те наши беседы о многих современных и древних словах, которые, благодаря усилиям коллектива словарников, работающих над «Псковским областным словарем», теперь оказались представленными в выпуске 23. Обратимся к некоторым словам, которые несут с собой и память о людях, знавших их и ценивших их историю и специфику в живых говорах.

Прежде всего это обширное однокоренное гнездо с корнем *ор-*, содержащим сему 'обработка земли: вспашка'. Давая лет 50 назад характеристику русским говорам Эстонии, составившая вместе с другими диалектологами из Прибалтики (В. Н. Немченко, А. И. Сеница) Словарь старожильческих говоров Прибалтики, Т. Ф. Мурникова среди особых древних слов в 1963 году (50 лет назад) назвала и глагол *орать* 'пахать' [8].

В «Псковском областном словаре» представлены слова древнего корня *ор-* с семей 'обработка земли'. Это большое однокоренное гнездо с разными частями речи и с разными лексическими значениями: фактически это полевая структура с лексико-тематическими и с лексико-семантическими группами:

ора́, ора́ло — 'соха' («*Саху́-ть арóй звáли*» Сланцевский р-н; «*Тагда́-ть мы на арáли паха́ли*». Холмский р-н) [11, в. 23, с. 327, 328];

ора́льный, ори́мый — 'предназначенный для пахоты, относящийся к пахоте' («*Яны́ ф хамуты́ вдвя́аюцца в арáльныи, кагда́ арúт*». Порховский р-н; «*Я в ма́стира заказывал хаму́т ори́мый...*». Дновский р-н) [11, в. 23, с. 328, 339];

оремый — 'используемый при пахоте' («*У быка́ хаму́т, аремый хаму́т, а у каня́ ежжа́лый хаму́т*». Себежский р-н) [11, в. 23, с. 335];

ора́нный — 'лежащий под паром (о земле)' («*Хадíла на о́раннии нiвы за травóй*». Новоржевский р-н); это слово зафиксировано и в Псковской первой летописи, 1544 г., л. 677 [11, в. 23, с. 329];

ора́тый — 'вспаханный', слово зафиксировано в Словаре В. И. Даля в XIX веке (3, т. II, с. 689) с субстантивированным *оратое* 'поле под паром' («*Идеши на о́ртыму...*». Островский р-н) [11, в. 23, с. 329];

ора́льщик, оратáй, оре́ц, орбе́ц, орел² — 'кто занимается обработкой земли' («*Ара́льшишки с Падбарóвья приежжа́ли...*». Эст., Желачек — известно не только на территории Эстонии, но и в Островском р-не в пределах материнских говоров; «*Аратáй*». Опочецкий р-н; «*Орбе́ц*», слово известно в XIX веке благодаря записям Ив. Ил. Карпова, как и «*Орел²*») [11, в. 23, с. 328, 329, 337, 331, 334];

ора́ние, ориба (без удар.), *ориво* (без удар.) — 'вспашка земли' (точнее, судя по примеру: 'первая вспашка поля при подготовке к посеву', ср. со словом *ориль*: «*Пéрвая фспáшка — ора́ние, фтарáя — пириóрка*». Порховский р-н, известно слово еще и у Копаневича; два последних слова зафиксированы тоже в письменных источниках Копаневича) [11, в. 23, с. 328, 339];

многозначное слово *орба́* — 'вспашка земли' («*У нас саха́м арáли; па-фсáкаму назывáли, арбóй звáли па́хату*». Островский р-н), 'время пахоты' («*Орба́*» в этом значении известно по псковским записям И. И. Карпова, сделанным в XIX веке), 'вспаханное поле' («*Орба́*» и в этом значении известно только благодаря Карпову) [11, в. 23, с. 344];

ориль — ‘первая весенняя вспашка поля’ сравнивается со словом **орание**, особенно судя по примеру («*После **арили** ётай баранили...*»). Торопецкий р-н) [11, в. 23, с. 339];

оранина, ораница — в значениях ‘вспаханная земля, вспашка’ («...где *запахана, там **ранина***»). Новоржевский р-н — с сокращением начального гласного; «*Ораница ёта как **запишут** вот ёта **ораница***». Гдовский р-н), ‘вспаханное и заросшее травой поле, пар’ («*Оранина, лук **фспаханный**, сёна **новае**, **после пахаты***». Эст., Желачек, как и в других мате-ринских говорах; «...*пасаца **цэлы** день пу **ораницэ** **пастух-та**, **расте там**, **поколь не сёют рои***». Гдовский р-н) [11, в. 23, с. 328, 329];

оранка — ‘вспаханная земля, пашня’ («*Фспахана зямля **оранка** называлась...*». Гдов-ский р-н; с тем же первым значением, что и предыдущие два слова) [11, в. 23, с. 329];

орница — ‘первый раз вспаханная целина’ («*Разбрасывали на **орницэ** — ёта где **первый рас** **запахана***». Гдовский р-н) [11, в. 23, с. 340-341];

орать² — ‘пахать (землю)’ («*Вот **гаварили раныиэ** как: “**Матка мост **наша**, а **бацька** **ва дварэ **арэ**”*****». Бежаницкий р-н) [11, в. 23, с. 330-331].

ораться — ‘подаваться вспахиванию’ («*Фся зямля **пахана**, а **кряж не**, **яво пахатъ **можно****, но у нас не **орница***». Гдовский р-н) [11, в. 23, с. 331].

Учет разнообразных источников функционирования слов с корнем **ор-** создает условия для выяснения картины труда сельских жителей, касающейся прежде всего с обработкой зем-ли. Обращение к лексикографическим трудам XIX века показывает, насколько распростра-нены были слова в прошлом и как шло семантическое и словообразовательное развитие в пределах соответствующего корневого гнезда.

Памятники псковской письменности показывают, что в разных произведениях прошло-го встречаем ряд слов с корнем **ор-**. Это были летописные погодные записи. Многие местные грамоты, которые касались земельных отношений и участков земли, тоже зафиксировали не-которые термины, относящиеся к обработке земли. Только в псковских грамотах XIV–XV ве-ков, составленных на Псковской земле и отражающих земельные отношения простых лю-дей, много местных, региональных слов. Эти грамоты были обнаружены и опубликованы в 1966 году после тщательного исследования Л. М. Марасиновой [7]. Тексты этих памятников украшают региональный Псковский словарь. Так, слова **оромина** ‘пахотная земля пашня’, **оромий** ‘предназначенный для пахоты, пахотный’ пока известны только по этим псковским памятникам: «*А святому Вознесению и Оксеньтю досташася трети жеребы...до кро-ими до последнего мыса, до **ороминь**, да Милечкого мха*» [7, № 12, 1417–1434 гг.]; «*Даш [вероятно, стоит читать «Даша» как аорист 3 л. мн. ч. от глагола **дати**, т. е. ‘дали’. — Л. К.] Зданови дети отчину свою...святому Вознесению по отся своего рукописанию всю сполу **оро-муо** землю и позня и ловища...до низнего острова*» [7, № 11, XIV–XV вв.]. (См. подробнее в [11, в. 23, с. 341].)

В публикации псковских грамот Л. М. Марасиновой есть примеры своеобразных суб-стантивных наименований с указанным корнем **ор-**, которые вызывают раздумья об их трактовке и о понимании текста. Но эти случаи должны быть рассмотрены после неоднократ-ного обращения к ним в специальном исследовании. Памятники дают образцы загадок, кото-рые с более или менее успешной интерпретацией решаются. Поэтому оставим этот материал для следующей статьи.

Зато покажем, как очень значимый в указанном однокоренном гнезде глагол функцио-нировал в живой псковской речи в начале XVII века и был зафиксирован в «Русско-немец-ком разговорнике» Т. Фенне, созданном немецким купцом в Пскове в 1607 году. Псковским говорам повезло с обнаружением такого памятника, который фактически представляет за-пись местной диалектной речи, поразившей иностранца в указанный период: «*Не хочу попом **стать**. Я учу **орать**, **бороновать**, **косать**, да **сбять** да **хльба** **добывать***» [13, с. 253, 1607 г.]. Ценно, что талантливый иностранец, связанный с торговлей, и желавший облегчить своим коллегам общение с псковичами, фиксирует русскую поговорку, известную в русском языке и до сих пор: «*Дурных не **орю**, не **копаю**, **сами родятся***» [13, с. 474, 1607 г.].

Богатое словообразовательное гнездо с корнем *ор-* в псковских говорах представляет разнообразие семантических, тематических и словообразовательных связей; обнаруживаются синонимические отношения со словами других корней. Слова с корнем *ор-* распространены в разных районах Псковской земли, известны и в староверческих говорах на псковской территории и в Эстонии. Система значений и оттенков значений особенно у глагольных лексем показывает актуальность использования единиц в прошлом (при рассказе о том, что было ранее) и в настоящем. Названия для значимых реалий при отражении актуальной картины мира функционируют в речи диалектоносителей активно и являются востребованными при коммуникации, особенно в беседах с собирателями. (Подробнее лексикографическое представление материала см. в [11, в. 23, с. 327–341].)

Память заинтересованного исследователя способна оживить человеческие отношения, встречи с единомышленниками, напомнить те беседы о словах, которые неопределимыми были в прошлом и которые подчас и сейчас помогают добавлять детали в объяснении тех или иных языковых фактов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 544–545.
2. Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков: ПГПИ, 1968. С. 20–43.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I–IV. М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1956.
4. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.
5. Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». Псков: ПГПИ, 1997.
6. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л.: ЛГУ, 1961.
7. Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: МГУ, 1966.
8. Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы к словарю русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
9. Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говоров староверов Эстонии. Тарту: Sata, 2008.
10. Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.). Псков: ПГПИ, 1996.
11. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–23... Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2012...
12. Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012.
13. Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.